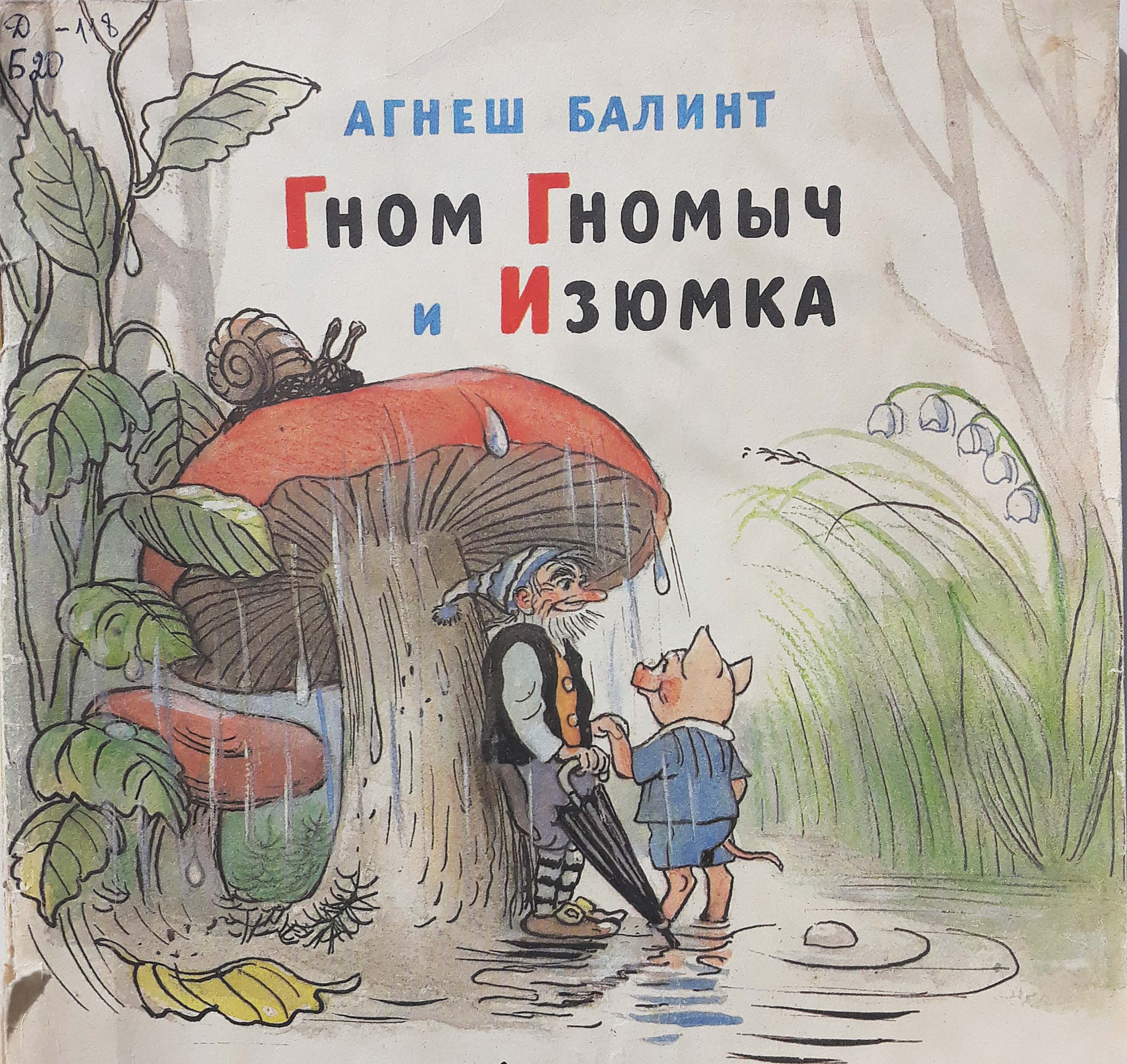

Д - 118
Б20

АГНЕС БАЛИНТ
ГНОМ ГНОМЫЧ
и ИЗЮМКА

Издательство
"Детская литература"

Пересказал с венгерского
Геннадий Лейбушин

51081 -6

Рисунки
В. СУТЕЕВА

93 01

АГНЕС БАЛИНТ

ГНОМ ГНОМЫЧ
И
ИЗЮМКА

СКАЗКИ

МОСКВА

"Детская литература"

1988

1988

Ф
Б20

Филиал № 118

Централизованная
библиотечная система
Пролетарского района
г. Москвы

4803020000-043
Б М101(03)-88 442-88

51081-6

© BÁLINT AGNES, 1970

© Пересказ на русском языке. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978

ДОМ, КОТОРЫЙ МОЖНО СЪЕСТЬ

В конце улицы Кузнечиков, на самой окраине, где город уже кончается и начинаются поля, валялась старая, изъеденная молью шляпа. А под ней жил гном. Росту он был маленького, как все гномы. Но лет ему было немало. И потому все друзья и приятели звали его уважительно — Гном Гномыч.

Особенно много приятелей у него было среди огородных чучел.

Когда-то давно и эта шляпа-дом тоже красовалась на голове огородного пугала. И только позднее она досталась в подарок Гномычу.

Старый Гномыч, получив шляпу, приладил на неё всамделишный номер, какие на домах бывают, и шляпа тоже стала как бы настоящим домом.

Но — увы! — как-то осенью, в конце октября, налетел сильный ветер, подхватил шляпу-дом и унёс её с собой. Вместе с номером.

И Гном Гномыч остался совсем без крыши над головой.

Пришлось ему искать другое жилище. Правда, Гномычу повезло: вскоре на соседнем огороде он нашёл большую-пребольшую тыкву, у которой прожоры синицы успели выклевать всю сердцевину.

— Годится! — решил Гном Гномыч. — Конечно, тыква не такая тёплая, как шляпа. Но зато уж ветер её не укатит.

Сделал Гномыч из куска дубовой коры дверь, вырезал в стенке тыквы окно, застеклил окно осколком разбитой бутылки.

Печку слепил из глины, вместо дымохода — кусок ржавой водопроводной трубы приспособил.

И печка, если её хорошенько набить сухими кукурузными стеблями, теперь так и пышет жаром.

«Нечего и жалеть, что унесло ветром шляпу,— думал Гномыч, сидя возле очага.— Этот дом-тыква, сдаётся мне, куда теплее любой шляпы». Одна лишь беда: каждый, кто идёт мимо или только пролетает над Гномычевым домом, норовит клюнуть его или откусить от него кусочек.

Гномычу то и дело приходится выбираться из тёплого угла, выходить на крыльцо и гнать прочь всяких там грачей, ворон, мышей, зайцев.

— Слепые вы, что ли? Неужели не видите, что здесь живут? — возмущённо кричал он и размахивал метлой из гусиных перьев.— Тоже мне, харчевню нашли!

Но когда наступала темнота и Гномыч зажигал лампу, прохожие меньше надоедали ему: светило окно и дом-тыкву было видно ещё издалека.

Тут уж и самая слепая ворона увидит и догадается: внутри тыквы свет горит, значит, её есть нельзя.

И Гномыч спокойно мог сидеть да почитывать газету «Весточки с полей».

Однажды вечером он читал раздел «Происшествия». Он уже добрался до сообщения, как Барнабаш Блоха, житель села Соломка, легкомысленно спрыгнул на полном ходу с велосипеда. К счастью, всё кончилось лёгкими ушибами и синяками. И вдруг Гномычу показалось, что за стеной кто-то чавкает.

Кто бы это? Гном Гномыч даже представить себе не мог. Однако, когда в стене тыквы образовалась дыра, Гномыч понял: кто-то нахально пожирает его дом. И, схватив метлу, выскочил за дверь.

И что ж, вы думаете, он видит? Какой-то крошечный-пре-
крошечный поросёнок стоит у двери и преспокойно отгрызает
кусок за куском от его тыквы.

Гном Гномычу за всю его жизнь ещё не встречался такой
паршивый поросёнок. В гневе он стукнул его метлой.

Поросёнок кубарем покатился прочь от Гномычева домика. И пока катился, всё время визжал:

— Уй-уй! Ой-ой-ой!

— Я тебе покажу, как грызть чужие дома! — прокричал Гном Гномыч.

Поросёнок жалобно захныкал:

— Так есть хочется! У меня уже целых два часа маковой росинки во рту не было!

— Всё равно это не даёт тебе права приходить сюда и пожирать мой дом! А вообще-то я мог бы, конечно, дать тебе кусочек кукурузной лепёшки. Ладно уж, заходи, так и быть!

— Кусочек кукурузной лепёшки! Моей любимой, вкусной лепёшки?!

Не прошло и минуты, как от поросячьего чавканья гудел весь тыквенный дом.

— Вот это хор-хор-хорошая кух-кух-кухрруза. Мне она оч-очень по вку-кус-су! — довольно похрюкивал поросёнок и уплетал лепёшку так, что за ушами трещало.

— Набив рот, не болтай! — сделал ему замечание Гномыч. — Запомни такое правило: «Когда я ем, я глух и нем». А самое главное: не чавкай. Когда жуёшь, рот держи закрытым. Понял?

— Как же так: я жую, а рот у меня закрыт? Не получится, — недоверчиво пискнул поросёнок.

— Получится, — заверил его Гном. — Ты только попробуй!

Поросёнок попробовал и удивился: оказывается, можно и в самом деле жевать, закрыв рот. Но пока он как следует выучился этому, он съел всю кукурузную лепёшку.

— Ух и наелся же я! Вот-вот лопну! — хрюкнул поросёнок. — Аж в сон бросило.

Гном Гномыч почесал ему спинку.

— Придёшь домой, не забудь, что есть нужно всегда красиво!

Поросёнок услышал его слова да как заплачет.

— Что с тобой? — изумлённо вскричал Гномыч. — Кто тебя обидел?

— Никто,— жалобно ответил поросёнок.— Просто я вспомнил, что мне некуда идти.

— Как так? Разве у тебя нет дома?

— Н-н-нет. Хозяин меня прогнал. Сказал, что я совсем не расту. Кормит он меня, кормит, а я всё сморщенный, будто сушёная изюмка. Видно, говорит, не в свинью корм. Не выйдет из тебя, говорит, жирная откормленная чушка.

Тут доброму Гному жалко стало бедного поросёнка, и он сказал:

— Знаешь что, Изюмка, оставайся-ка ты лучше у меня! Всё равно гном я — одинокий. Сижу, скучаю, пока ветром случайно не занесёт сюда какую-нибудь старую газетёнку для чтения.

От неожиданной радости поросёнок даже речи лишился. Отёр нос о гномикову штанину, захрюкал растроганно:

— Да я, да вы, да... как бы я без вас, дорогой Гномыч! Куда же я пошёл бы, что стал бы делать?

После этого они общими силами залепили дырку, которую Изюмка в стене прожевал. Конечно, Изюмка больше смотрел, а работал Гном Гномыч. А вскоре Изюмка вовсе заснул, забравшись в тёплый подпечек.

НЕ ХОЧУ КУПАТЬСЯ

В подпечке Изюмка мог бы хоть целый век пролежать, потому что стенки там всегда были тёплыми. Но Гном Гномыч считал, что подпечек совсем не для того, чтобы в нём спать. Сам он спал на мешке с соломой. Днём заправлял постель красивым покрывалом, которое соткал из козьей шерсти.

— Будет и у тебя славное местечко! — пообещал Гномыч Изюмке. — Вот только кончится дождь, припасём мы и на твою долю соломки.

В первый же тёплый, погожий день он, как обещал, принёс домой большую вязанку свежей соломы. Изюмка сразу же захотел на соломе покувыркаться. Но Гномыч не разрешил.

— Сначала я тебя выкупаю, — сказал он.

— Не люблю я купаться, — завизжал Изюмка.

— А я не люблю чумазных поросят, — предупредил его Гном Гномыч.

— Ну и не надо! — захрюкал Изюмка и спрятался под печку. — Да я лучше пойду куда глаза глядят. Найду себе какой-нибудь приличный свинарник. Там-то уж не надо будет купаться. Зарылся в солому и спи себе на здоровье.

— Ну что ж, иди, — согласился Гномыч.

Изюмка ушам своим не поверил. Подождал, может быть, Гномыч его окликнет, остановит, но нет — не окликнул, не остановил. Так очутился Изюмка за дверью. А там темнотища — хоть глаз выколи! И вокруг — ни огонька. Как в тыквенном-то домике хорошо да светло было. Прижался Изюмка пятчком к оконному стеклу: может, Гномыч заметит, как он тут на холоде зябнет, да сжалится. Но тот знай в своей печке кочергой шурует, на окно даже и не глядит, весело себе под нос что-то насвистывает.

Совсем грустно сделалось Изюмке. Стоит, чуть не плачет, жалеет, что наговорил Гномычу грубостей.

Вдруг дверь открылась, и из неё вышел Гномыч с метлой в руках.

— Э-э! — удивлённо воскликнул он, заметив Изюмку. — Да ты, оказывается, ещё здесь?

— Здесь, — дрожащим голосом хрюкнул Изюмка.

Он надеялся, что старый Гномыч сейчас спросит, не озяб ли он, и тут же пригласит в дом. Но вместо этого Гном Гномыч принялся разметать метлой лужу дождевой воды, скопившуюся у порога.

Разметает и приговаривает:

— Как тут хорошо-то, на свежем воздухе! А то в доме у меня такая жарница, ну прямо спасу никакого нет.

— А я люблю, когда жарища,— вздохнул Изюмка.— А ещё больше купаться люблю. И чтобы вода обязательно горячая-прегорячая была.

— Да что ты говоришь? — удивился Гномыч.— Тогда иди скорей, пока она ещё не остыла.

Тут Изюмка бросился со всех ног в дом, да так проворно, словно за ним гналась целая стая волков.

Ну конечно же, поросёнок, как и положено, немножко визжал, пока его купали, жаловался, что мыло лезет в глаза. Но зато, когда купанье закончилось, он никак не хотел вылезать из ушата и всё время требовал:

— Хочу ещё купаться. Ещё хочу.

Но Гномыч сказал:

— На сегодня хватит! Ты и так вон целую лужу на пол наплескал.

В это время в дом заглянул дядюшка Грач, Гномычев старый приятель ещё по улице Кузнечиков.

— Что это у вас тут происходит? — прокаркал он.— Моррское срражение?

— Да нет. Просто Изюмка чистоту наводил. Личную гигиену,— объяснил Гном Гномыч гостю.— Ты же знаешь, как эти маленькие поросята любят в воде поплескаться?!

КУКУ-КУКОЛКА

Чтобы Изюмка не скучал, Гномыч ему из моркови, репы и капустных кочерыжек целый игрушечный зверинец сделал. Изюмке очень нравились эти игрушки. Но иногда он забывался и ни с того ни с сего принимался их грызть. Смотришь, а он уже съел все игрушки без остатка. Приходилось Гном Гномычу снова мастерить зверюшек.

Он вырезал их из сухих кукурузных початков. Они оказались не такими вкусными, как прежние, поэтому Изюмка их совсем не ел.

Не пожелал он пообедать и куклой из кукурузной кочерыжки в платье из початковой чешуи и с волосами из кукурузных усов. Наоборот, он так полюбил эту свою новую куклу, что не мог уснуть без неё. Имя он ей дал: Куку-куколка. На его языке это означало: «кукурузная куколка».

Так же, как, например, можно было бы для краткости говорить вместо «кукурузная палочка» и «кукурузная мука» — «куку-палочка» или «куку-мука».

Днём Изюмка сидел в своей тёплой печурке, играл с куклой, приговаривал:

— Не чавкай, когда ешь, Куку! Вытри носик, Куку-куколка! И тогда Гномыч мог спокойно заниматься делами по хозяйству.

Но Изюмке очень быстро надоело играть с Куку-куколкой, и он опять начал приставать к Гномычу:

— Поиграй со мной!

А Гномыч как раз был занят: подошва у ботинка оторвалась, он её и пришивал.

— Если я сейчас не пришью подошву к ботинку, завтра мне

Сначала Филя был за доктора. Потом Изюмка накинул на плечи вместо халата белое полотенце и сам стал доктором. Позднее это же полотенце снова сделалось халатом, только теперь уже — на парикмахере. Поочерёдно стригли куклу — то Филя, то Изюмка. От этого у Куку-куколки волосы становились всё короче и короче, пока она совсем без волос не осталась.

Пришлось ей новые волосы приклеивать — из кукурузных усов.

Потом Изюмка вместе с Филей песенку ей пели. Колыбельную.

Словом, такая у них хорошая игра получилась, что Филя и домой идти позабыл. Ладно, старый Грач напомнил, постучал в окошко клювом:

— Эй, Филя, слышал я мимолётом: ругают тебя дома, что ты до сих пор где-то ещё бродишь!

Филя испугался: чего доброго, и без ужина останешься — и поскакал стремглав домой.

А Изюмка — в слёзы.

— Почему Филя убежал? Я ещё хотел с ним играть.

Уговаривал его Гномыч и так и этак — ревёт неразумный поросёнок, Филю к себе требует. В конце концов надоело Гномычу уговаривать.

— Вот скажу Филе, — пригрозил он, — чтобы он больше никогда не приходил к тебе играть.

Тут Изюмка сразу перестал плакать.

ВОЛКИ

Однажды в холодный день мать послала Филю в магазин за солью. Пока зайчонок бегал за покупкой, он сильно продрог. Пришлось завернуть по дороге к Гномычу. Обогреться.

Гном Гномыч тотчас же усадил Филю к печке, угостил чаем с ягодами шиповника.

— Хорошо! — признался довольный Филя. — А то у меня уши ну прямо окоченели на ветру.

— Такой ветрище лучше всего сидя дома слушать, — кивая головой, подтвердил хозяин. — А ежели по совести, я и дома не люблю слушать, как он у меня там в трубе завывает.

— А вот я люблю! — закричал Изюмка. — Пищит будто волк, когда ему хвост прищемят!

Филя Зайчик, услышав о волке, весь задрожал. А Изюмка — тот, наоборот, к Гномычу приставать начал: расскажи да расскажи про волков.

Гномыч — недаром он когда-то раньше пугалом работал, птиц с огорода прогонял — много всяких страшных историй знал. В конце концов согласился старик: начал серого волка представлять, как тот зубами щёлкает да как волки, в стаю собравшись, по ночам на луну воют. А потом и про чёрного волка вспомнил — у того глаза зелёные, большие и горят — будто фонари.

Изюмка заслушался, даже рот от удивления раскрыл. А вот бедному Филе от них совсем не по себе стало. И когда Гномыч кончил рассказывать, Филя и говорит:

— Боюсь теперь домой возвращаться.

— Тррус, тррус! — хрюкал Изюмка. — Сумерррков испугался.

— Испугался, — признался Зайчик Филя. — Теперь мне всю

дорогу будет казаться, будто за мной чёрный волк с зелёными глазами крадётся.

— Ладно, не дрожи! Так и быть, провожу я тебя домой,— великодушно пообещал Изюмка.— Пошли!

Они взялись за руки и пошли. А через полчаса прибегает Изюмка назад. Запыхавшийся, но весёлый.

— Мы с Филей наперегонки бежали! — объяснил он Гномычу.— Ну и домой я тоже... того, бегом, значит. Сам с собой играл, будто я за чёрным волком гонюсь.

— Ладно,— сказал Гномыч.— Ты лучше отдышись. Устал, наверное, бегаючи?

— Да что ты! — хрюкнул Изюмка.— Я никогда не устаю.

Ну, тут вскоре совсем за вечерело. Гномыч и говорит Изюмке:

— Сходи-ка, братец, хвороста охапку принеси. Там за домом сухой хворост лежит. Да побыстрее, а то огонь в печке вот-вот погаснет.

Но Изюмка развалился на своей подстилке, охает и похрюкивает жалобно:

— Ох, устал! Все косточки ноют. Пошевелиться больно.

— Интересно,— покачал головой Гномыч.— Как наперегонки бегать, косточки не ноют, а как за хворостом идти...

Изюмка задумался: что бы ему такое сказать, чтобы за хворостом не ходить?

— Знаешь, Гномыч,— говорит он.— Признáюсь тебе честно: темноты я боюсь. А вдруг там где-нибудь чёрный волк хоронится?

Гномыч даже захохотал:

— Вот те нá! Ты же, когда Филю домой провожал, не боялся?

— Тогда — не боялся,— смутился поросёнок.— Но сейчас-то ведь темнее стало! Сейчас волки наверняка уже вокруг дома собрались. Ты же сам, Гномыч, знаешь, что в стужу они из леса поближе к домам подбираются. А сейчас как раз очень холодно. Посмотри, вон у нас на оконном стекле какие узоры!

— Холодно, это верно,— подтвердил Гномыч.— Самое время дровец в печку подкинуть. Но раз уж ты так волков боишься, не ходи. Не будем сегодня и свёклу варить, винегрет делать...

А на плите в это время свёкла варилась в большой кастрюле: Гномыч собирался любимое Изюмкино блюдо делать — винегрет.

Как это не будем? От одной такой мысли Изюмку будто

ветром с подстилки сдуло: так быстро он вскочил и за хворостом побежал.

Целый ворох сушняка притащил и печную топку битком набил. А когда свёкла уварилась, принялся с неё кожуру счищать. Гномычу даже от сапожных дел отрываться не пришлось. Изюмка сам всё сделал: и свёклу на кусочки порезал, и капустки с картошкой добавил, и постным маслом сверху полил. Потому что он такой: ежели уж одолеет свою лень, то лучшего помощника Гномычу и искать не надо.

РЕПЕЙНИК

Когда Изюмка ходил на прогулку с мышкой Кишмишкой, от этого получались одни только огорчения. Хитрая Кишмишка обязательно что-нибудь да найдёт по дороге: то красивое голубиное перо, то разноцветный камешек или сучок древесный, похожий как две капли воды на гномика.

А Изюмка никогда ничего не находил. Конечно, если бы он принялся рыть пяточком землю, он бы тоже нашёл что-нибудь: может, пуговицу, а может, какую-нибудь кость заваливающую. Или черепок, или ржавую подкову, или жёлудь. А может, даже вполне вкусный корешок. Да только в такую стужу кому охота в земле копаться? Только свой пяточок о мёрзлую землю исцарапашь.

И всё же как-то раз Изюмке тоже повезло: на краю канавы он нашёл прошлогодний сухой репейник.

— Смотри-ка, что у меня! — с гордостью похвастался он Кишмишке.

Но мышка только носик презрительно сморщила:

— Фи! Подумаешь, прошлогодний репейник! На что он годится! Корзинку из него не сплетёшь. Один мусор — только и всего!

— И никакой не мусор! — гордо встал на защиту своей находки Изюмка. — Ещё как сгодится.

— На что?

Изюмка посмотрел вокруг себя. Действительно, на что может сгодиться прошлогодний репейник!

Над ними, тяжело махая крыльями, пролетел старый Грач. Изюмка обрадовался:

— Смотри, Мышуля, я сейчас запущу репьем в этого грача! Знаешь, как здорово репей прилипает к перьям!

И точно! Комок из колючек репейника ракетой взмыл вверх и так ловко вцепился в оперение старого Грача, что тот ничего и не почувствовал.

— Ух, до чего же ты меткий! — восторженно пропищала Кишмишка. — Это надо же! Влёт птицу бьёшь, без промаха!

Изюмку прямо-таки распирало от гордости, когда он шёл домой.

Но дома его ждали неприятности: возле печки сидел дядя Грач, а на крыле у него болтался комок колючек.

«Знал бы я, что он к нам в гости летит, разве стал бы в него кидать?! — испугался Изюмка. — Что теперь скажет Гном Гномыч?»

Закручинился Изюмка и даже забыл поздороваться. Но Гномыч напомнил поросёнку об этом.

— Ветер, навер-р-рное, унёс с собой его голос, — вежливо предположил Грач. — У меня вон тоже, пока я летел, совсем смёр-р-р-зся клюв. И крыльев своих я почти не чую!

С этими словами Грач растопырил крылья, чтобы согреть их возле тёплой печки.

— Смотри-ка! — воскликнул вдруг Гномыч. — Что это за клубок у тебя там на крыле?

Подслеповатый Грач принялся крутить-вертеть головой, пока и сам не разглядел у себя в перьях клубок репейных колючек.

— Пррроклятие! — сердито каркнул он.— Пррра-во, ума не прр-риложу, где к моим перрррям мог прр-рицепиться этот ррре-пей?

— Наверное, где-нибудь на лугу? — предположил Гномыч, но Грач возмущённо закаркал:

— Не прри-ходилось мне сегодня пррриземляться ни на каких лугах. Тем более что я торрропился. Готов пррревертиться в черррвяка, если это кто-то в меня нарочно не бррросил репьём!

— Да кто же это посмел? — вскричал Гном Гномыч и удивлённо посмотрел на Грача.

— Кто? Прррстите, сейчас прррипомню! Скорррее всего, это озорррники бельчата. Они живут в дупле на самом крррау дубрррравы.

— Это вполне возможно. Бельчата иногда швыряют вниз, на землю, ореховые скорлупки.

— Скорррлупки — всего лишь беспоррррядок! А рррепы — это уже, беспорррно, мусоррр! И этим мусоррром они забрасывают меня, ста-ррр-ого порррядочного Грррача!

Гномыч всплеснул руками.

— Что за времена! Что за нравы! Возмутительно!

— Нет, мимо этого я не могу так пррросто пррролететь! Я им этого не прррощу. Морррроз не морррроз, а я тотчас же поднимаюсь на крррыло и лечу на улицу Кузнечиков в ррредакцию журррнала «Клюв»! Я буду жаловаться! Какое безоб-ррразие!

— Конечно,— одобрил его решение Гномыч.— Такие хулиганы заслуживают, чтобы их пропечатали в журнале!

Грач швырнул в печку репы и, попрощавшись с Гномычем, направился к выходу. Но на пороге он споткнулся об Изюмку.

— А ты чего сидишь здесь в темноте? — удивлённо вскричал он.

— Ох, дядя Грач,— захныкал Изюмка.— Пожалуйста, не подавайте жалобу на бельчат!

— И он ещё бер-ррёт их под защиту! — возмутился старый Грач.— Этих пррррхвостов, этих озорррников!

— Верно, Изюмка, зря ты съёшь свой пяточок во всё, о чём даже понятия не имеешь,— сделал поросёнку замечание Гномыч.

— Имею! Об этом я имею понятие, Гномыч! Точно знаю, что это не бельчата швырялись репейником в дядю Грача! — заплакал Изюмка.

Грач от удивления даже клюв разинул:

— Не бельчата? Кто же тогда?

— Кто-то ещё,— пропищал Изюмка едва слышно, словно мышонок.

Старый Грач даже не разобрал его слов.

— Кто, кто? — с любопытством наклонился он к Изюмке. Но Гномыч, который и слышал лучше, а главное, лучше знал Изюмку, поспешил вмешаться:

— Ладно, сосед Грач, я уже догадываюсь, чьи это проделки!

И я сам поговорю с ним как подобает. Чтобы он впредь знал, как швыряться в тебя репьями!

Тут уж и старый Грач понял, что к чему. Посмотрел строго на Изюмку, слегка шлёпнул его по спине крылом и вылетел за дверь.

А в тыквенном домике наступила мёртвая тишина. Такая мёртвая, что Изюмка даже хрюкнуть не смел. И только смотрел, весь похолодев, на Гномыча. А тот щёлкнул его как следует по макушке и строго-престрого сказал:

— Если я ещё хоть раз услышу про тебя такое, гулять больше не пойдёшь. Ни с Кишмишкой, ни с кем вообще!

Изюмка совсем понурил голову. И вдруг чувствует, что Гномыч гладит его по затылку. Изюмка поднял изумлённо глаза и видит, что Гном Гномыч улыбается. Изюмка не знал, что и подумать. Но Гномыч объяснил ему:

— Щелчок ты от меня за репейник получил. А погладил я тебя потому, что ты сам признал свою вину.

ГНОМЫЧЕВЫ КРЫЛЫШКИ

В холодные дни Изюмка больше всего любил свой подпечек. Там и тепло и дремать приятно. И бездельничать. Постепенно Изюмка так обленился, что и вылезать из подпечка не желал.

— Подай мне сюда обед, Гномыч! — захрюкал он, почуяв, как вкусно пахнет тушёной капустой.

— Ещё что? — возмутился Гном Гномыч. — Уж и обед ему подавай в подпечек!

— Боишься, как бы я так не отъелся, что и наружу не вылезу? — спросил Изюмка.

— Вполне возможно. Но не в этом дело. Боюсь другого. Вдруг ты двигаться разучишься совсем. Придётся мне тебя на себе таскать. Забудешь, что у тебя и ноги-то есть.

Изюмка расхохотался. Однако после обеда у него пропало настроение смеяться. Гномыч открыл дверь во двор и сказал:

— А ну иди погуляй. Тебе полезно.

— Там же холодно! — захныкал Изюмка, уже привыкший к теплу.

— А ты побегай, попрыгай — вот и согреешься! — ответил Гномыч и тут же захлопнул за ним дверь.

Изюмка остался снаружи. Потоптался на крыльце — замёрз, волей-неволей пришлось бегать. Обежал все кротовые холмики. А когда выбрался на просёлок, уже больше не мёрз. На развилке дороги повстречал он мышку Кишмишку, и они пошли вместе, весело болтая.

— Мне на холоде всегда так есть хочется, — признался Изюмка. — А тебе — нет?

— Мне тоже, — подтвердила Кишмишка. — Но как я помню, ты и в тепле тоже всегда больше меня ел.

Так за разговорами они очутились возле какой-то замёрзшей лужи. Лужа была покрыта молодым ледком, потому что старый, толстый лёд вырубил крысы и снесли к себе в погреба. Чтобы летом делать мороженое. Теперь на луже ледок был новенький и гладкий как зеркало.

— Я покатаюсь немножко,— сказала Кишмишка.— Но ты смотри, на лёд не заходи: он тонкий, такого толстого поросёнка не выдержит.

— Кто это — толстый поросёнок? — удивлённо переспросил Изюмка.

— Ты! — крикнула Кишмишка и пробежалась по тонкому ледку — до противоположного берега. Бежит, попискивает по-своему, по-мышинному.

— Ты что же, думаешь, я побоюсь на лёд выйти? — крикнул ей Изюмка, когда Кишмишка повернула назад.

— Побоишься,— сказала мышка.— Под таким толстячком он обязательно проломится.

— А вот и не проломится! — упрямо закричал Изюмка и шагнул вперёд.

Кишмишка удивлённо посмотрела на него.

— Такой ты смелый? — говорили её глазки-бусинки.

— Такой! — ответил Изюмка и покатился на острых копытцах по тонкому льду.

Сначала было слышно только, как ледок слегка потрескивает. Но когда Изюмка выкатился на середину лужи, лёд вдруг сразу прогнулся под поросёнком и затрещал. Изюмка по самую грудь очутился в воде, а Кишмишка во всю мочь принялась звать на помощь.

Изюмка же только хрюкал и, обламывая лёд, сам стал выбираться на берег. Тут, услышав крики, прибежал и Гномыч. А Кишмишка поспешила сообщить ему:

— Изюмка под лёд провалился!

Разумеется, Гномыч теперь и сам видел, что произошло. Схватил он в охапку промокшего до нитки поросёнка и быстро-быстро побежал с ним домой. А Кишмишка — за ними следом. И всю дорогу приговаривала:

— Гномушка, миленький, не ругайте его, пожалуйста. Он такой смелый. Я бы никогда не подумала, что он решится на лёд выйти.

Дома Гномыч уложил Изюмку в постель, вскипятил ему чаю. А Кишмишка побежала домой рассказывать своей родне, какой смелый поросёнок Изюмка.

Тем временем Изюмка сидел на кровати и попивал чай с мёдом. Гномыч подложил в печку побольше дров, сел на край Изюмкиной кровати и спрашивает:

— Ну так как же всё это случилось?

— Как, как! Кишмишка говорит: тебе, мол, слабó на лёд выйти. Тебя, говорит, такого большого поросёнка, ни один лёд не выдержит!

— Так она сказала? — удивился Гномыч. — «Тебя, такого большого»?

— Ну не совсем так. «Такого толстого», она сказала, если быть точным.

— А-а! Тогда понятно. Ну, а дальше? — кивнул Гномыч.

— А я ей в ответ: а вот и не слабó!

— Теперь я понимаю, почему Кишмишка так восторгалась тобой. Да, я вижу, ты и сам собой тоже доволен.

— Люблю быть смелым,— скромно улыбаясь, признался Изюмка.

— Я тоже люблю смелых,— сказал Гномыч, а затем, помолчав, добавил: — Но не люблю хвастливых и тщеславных.

— Это кто такие — тще-тще-славные? Это которые очень славные?

— Нет, это которые очень любят славу и ради этого всем на свете готовы пожертвовать.

— А я-то тут при чём?

— При том, что ты из тщеславия на тонкий лёд пошёл. Перед Кишмишкой похвалиться хотел и доказать ей, что ты совсем и не толстый.

Изюмкино самодовольство исчезло, словно дым. Вид у него был такой грустный, что Гномыч в конце концов сжалился над ним и сказал:

— Ладно! Бывает такое со всеми. Я вот, к примеру, когда был маленьким...

У Изюмки даже глаза от радости заблестели.

— Расскажи, расскажи, Гномыч, как ты был маленьким! — закричал он.

— Я и рассказываю... Маленьким я очень летать любил.

— На чём?

— Ни на чём. Сам, на своих крыльях. Тогда у меня ещё крылышки были.

— Ой, крылышки! Какие?

— Тоже маленькие. Чтобы с цветка на цветок порхать.

— И ты порхал? — удивлялся всё больше Изюмка.

— Порхал. Было у меня тогда много друзей. Я в ту пору лично знал всех сверчков, всех кузнечиков и даже сердитых шмелей. И очень я любил летать вместе с одной красивой стрекозочкой. У неё крылья были большие, прозрачные. Как стекло.

И большие красивые глаза. Один раз стрекоза и говорит мне: полетим на ту сторону ручья. Мне бы сказать: не могу, у меня ведь крылышки-то маленькие. А я постеснялся. Ну мы и полетели.

— И что дальше?

— Ничего. Упал я в воду.

— Ой! Но не утонул?

— Нет, как видишь. Лето было. Вылез я на берег, на солнышко, быстро обсушился. Только летать долго ещё потом не мог. Помню, был концерт. Кузнечики на скрипках играли, сверчки в барабаны били. А я пока без крыльев-то туда добрался — концерт уже закончился. Да, многих гномиков тщеславие до добра не доводит.

«И пороят тоже», — подумал Изюмка.

ВОЗЬМЁМ ЕГО ДОМОЙ

Всю неделю не переставая лил дождь. У Кишмишки затопило весь их подземный дворец. Одна кладовая с запасами продовольствия осталась сухой. Теперь здесь отсиживалось всё мышинное семейство — к превеликой радости мышат. Они с утра до вечера могли, сидя тут, лакомиться калачиками просвирника да семенами сурепки. Время от времени Кишмишка вспоминала и маленького поросёнка Изюмку.

— Что-то он, интересно, поделывает в такую мерзкую погоду? Надо бы сходить к нему, поиграть с ним.

— Ещё чего! — рассердилась Кишмишкина мама, тётя Мышария. — Их жалкая хижина из тыквы, наверное, уже давным-давно развалилась. Сиди лучше дома да радуйся, что живёшь в добротном земляном дворце. Хотя наш дом залит наполовину водой, но всё равно он лучше пустой тыквы, которую в любую минуту может сожрать проходящая корова.

Вот, наверное, посмеялся бы Гномыч, услышь он такие слова. Какая же корова станет жевать тыкву, когда в этой тыкве есть и дверь, и окно, и даже труба дымоходная?

И уж конечно, не страшен был тыкве дождь. Он только дочиста отмыл окна, а вода, скатившись вниз по глянцевиной зелёной стене, собралась в отличнейшую лужу у самой двери.

— Сделай милость, Изюмка, — обратился к нему Гномыч, — выкопай канавку, чтобы отвести воду от крыльца.

— Только нос в глине испачкаю, — заспорил Изюмка. — Разве можно в этакое дождище канавы копать?

«Может, действительно земля здорово промокла в такой ливень?» — подумал Гномыч, взял в руку тяпку и в два счёта управился с пустяковой работой. Отвёл воду из лужи у крыльца.

Он уже стряхивал капли с плаща, как вдруг услышал над головой знакомый голос:

— Напрррасно и прррямо-таки стррранно, что ты дома сидишь. Как раз в это врремя на улице Кузнечиков выставка огорродных пугал пррроводится.

— Спускайся к нам, приятель! — крикнул Гномыч старому Грачу. — Посуши у огня пёрышки да Расскажи, что ты там хорошего увидел, в городе-то.

— Рррассказать немыслимо, это своими глазами посмотреть тррребуется, — возразил Грач, стряхнул с крыльев капли дождя, после чего проследовал в тыквенный дом.

— Дядя Грач, а дядя Грач, — оживился Изюмка и поднял вверх свой любопытный пяточок, — а что там интересного на этой выставке?

— Что, что! — отвечал Грач.— Таких ррраскрррасивых пугал я и сrrрроду не видывал. Да известно ли вам, дrrррузья, что теперь в их снар-р-ряжении самое главное — пустые консер-р-р-вные банки?

— Вполне возможно,— подтвердил Гномыч.— Банками можно очень сильно греметь.

Изюмка слушал с разинутым ртом, а Грач продолжал рассказ:

— Из одного гор-р-р-родского огор-р-родного хозяйства привезли пугало, выр-р-р-ядили во всякие журналы с картинками, а поверх этого надели прозрачный целлофановый мешок. Стоит красуется, будто кр-р-раля рррасписная! Две синицы так пер-р-р-репугались, что бр-р-росили свои входные билеты и улетели куда глаза глядят. А ведь синички — отважные птички. Они не привыкли чучел огородных бояться. У меня есть один знакомый, тоже работает пугалом гороховым. Так вот он жаловался: мол, синицы, славки и жаворонки у него все усы повывёргивали, растащили гнёзда себе строить.

— Слышал и я такие страшные истории,— закивал головой Гномыч.— А какие там, ты говоришь, новые моды на костюмы чучелиные?

— На украшения сейчас идут цепи и кулоны из консервных банок, клипсы жестяные в уши. Словом, всё, что дребезжит, гремит, болтается. Ну, а по части одежды в самой моде сейчас костюмы для огородных чучел из рогожки да из синтетической соломки сплетённые.

— Гномыч,— захрюкал вдруг снова Изюмка,— давай с тобой на выставку сходим, а?

— В такую непогоду? — со смехом покачал головой Гномыч.— Да в такой дождь хороший хозяин собаку во двор не выгонит, не то что поросёнка. До костей промокнем. Даже если под зонтиком.

— Мне так хочется! Особенно на гроыхающее пугало посмотреть желаю. И на соломенное тоже.

— Да я тебе соломенное, если хочешь, и сам смастерю,— посулил Гномыч.

Но Изюмка отмахнулся:

— Самодельного пугала кто же испугается?

Тут дядюшке Грачу неловко сделалось. Решил он помочь Гномычу, принялся отговаривать Изюмку от выставки.

— По правде сказать,— заметил он,— нет на этой выставке ни одного пугала, чтобы оно такую серьёзную птицу вроде меня напугать могло. Разве это пугала?! Вот раньше бывало: ох, что за пугала были! Уроды, самые настоящие страшилища! Ан, вышли они нынче из моды. А теперь какие это пугала — куклы! Словом, игрушки какие-то.

Лучше бы дядюшка Грач и не говорил такого. Тут на Изюмку вообще никакого удержу не стало.

— Игрушки! Хочу смотреть игрушки! — завопил он.— Слышишь, Гномыч? Куклы там, оказывается, показывают, а не пугала вовсе. Идём поскорее на выставку. У меня же плащ из листьев подорожника: он-то не промокнет!

— Ах, Изюмка, но ведь и трава тоже мокрая,— стал его уговаривать Гномыч.— Пока до выставки доберёмся, до нитки промокнем.

— И зачем я затеял этот ррразговоррр? — пожалел дядя Грач.— Ладно, скоррро завечер-р-р-еет, пор-р-ра, видно, и мне домой.

Все втроем они вышли из тыквенного домика. Грач, попрощавшись, сразу же полетел к себе, а Гномыч и Изюмка — по мокрому, подёрнутому пеленой тумана лугу — в сторону неблизкой улицы Кузнечиков.

Вода у них под ногами так и хлюпала. Они кое-как добрались до гриба сыроежки, где находилась остановка полевого автобуса.

Под шляпкой грибка не было ни одного ожидающего.

— Видать, только что ушёл автобус,— недовольно проворчал

Гномыч, сердясь на самого себя, что уступил упрямому поросянку, а не остался дома в своей тёплой тыквушке.

Вдруг и Гномычу и Изюмке показалось, что неподалёку кто-то плачет.

— Может, это кукушка слёзки льёт? — предположил Изюмка.

Но Гномыч хоть и знал, что кукушка не плачет, всё же подошёл к зарослям травки, которую называют кукушкины слёзки, и прислушался.

И вдруг, к своему удивлению, видит: под одной былинкой, в ямочке, лежит, свернувшись калачиком, рыже-бурый хомячок. Изюмка тоже к нему подбежал и тоже удивился. А Гномыч спрашивает найдёныша:

— Ты-то что тут делаешь, бедный хомячок?

— Плачу,— отвечает хомячок.

— Вижу, что плачешь. А почему? — вмешался Изюмка.— Почему ты плачешь... как, бишь, тебя там?

— Фадейкой меня звать,— сообщил хомячишка, хлюпая носом.— А плачу я потому, что выпал из корзинки.

— Из какой ещё корзинки? — удивился Изюмка.— И как ты мог из неё выпасть?

— А я копошился,— всё ещё посапывая носиком, сказал хомячок.

— Я, кажется, начинаю понимать! — воскликнул Гномыч.— Кто-то, наверное, вёз на рынок целую корзину всяких зверьков — морских свинок, белых мышей, хомячков. А когда садился в автобус, один из зверьков — хомячок Фадейка — и выпал из корзины.

— И что же теперь с ним станется? — с отчаянием в голосе спросил Изюмка.

— Придёт автобус, скажем водителю.

— И-и-и! — слышался снова тонкий, протяжный плач.

Тут уж и у поросёнка Изюмки хвостик начал подозрительно загибаться вниз. А дождь всё хлестал и хлестал по земле не переставая.

— Возьмём его к себе домой? — чуть не плача проговорил Изюмка.

Но Гномыч, словно предвидел это, сразу же возразил:

— Нет, Изюмка, об этом не может быть и речи.

— Давай возьмём! — жалобно захрюкал поросёнок. — И мне тогда будет с кем играть.

— Мало у тебя приятелей, что ли?

— Много. Но они же все не с нами вместе живут.

— И без них предостаточно жильцов в нашей тыкве...

Но потому ли, что изо всех сил зарыдал бедный хомячок, или дождь приударил ещё сильнее, или очень уж жалостливо смотрел Изюмка, только сжалось сердце у Гномыча, и он сказал ласково:

— Ладно, Фадейка, так и быть, идём с нами.

Изюмка завизжал, запрыгал от радости, а Гномыч завернул маленького Фадейку в лист подорожника и взял его к себе на руки.

— Возьмём к себе, возьмём к себе! — орал поросёнок Изюмка, совсем позабыв и про дождь, и про выставку огородных пугал. И, только увидев, что Гномыч несёт Фадейку на руках, вдруг остановился.

— Гномыч, это... как же, а я?.. Меня ты тоже возьмёшь на ручки? — спросил он.

— Тебя? — улыбнулся старый гном. — Так ты же большой. И тяжёлый. На вот тебе лучше зонтик. Держи и шагай следом за нами!

Изюмка так и обмер. Взял в руки зонтик, как ему велели, и молча засеменил следом за Гномычем, который шёл с хомячком на руках. И так ему стало обидно, что раньше Гномыч с ним возился, как с маленьким, а теперь — на тебе! Отыскался кто-то другой, ещё меньше его, Изюмки. Он уж и не рад был, что они нашли Фадейку.

ЧЕЙ ФАДЕЙ?

Вскоре дождь перестал, наступили солнечные деньки. Но Изюмка всё равно ходил темнее тучи; ему хотелось поиграть с маленьким хомячком Фадейкой, а тот всё время спал в своей люльке.

— Мой Фадейка,— ворчал он.— Ведь для чего мы его домой принесли? Чтобы мне было с кем играть. А так на что он мне нужен?

— И почему ты никак не поймёшь: таким малышам, как Фадей, надо спать почти целый день.

— Эх! — отмахивался Изюмка и шёл пяточком рыть землю. Вырыл одну ямку, другую, вдруг слышит какой-то шорох.

— Фадик проснулся! — радостно захрюкал он и побежал к люльке.

Наступило весёлое времечко и для Изюмки.

— А ну скажи,— допытывался теперь он у хомячка,— ты чей, Фадей?

— Изюмкин,— лепетал спросонья Фадейка.

А поросёнок буквально места себе не находил от радости.

Послушный хомячок соглашался играть с Изюмкой в любые игры: кувыркался на сене, лежал в вырытых поросёнком ямках, зарывался в песок. И сколько угодно играл в прятки! Сокровище, а не хомячонок был этот Фадейка.

Немного погода пришла к ним мышка Кишмишка и сообщила радостную новость: вода ушла из их подземного дворца.

— А ну, Кишмишка, посмотри, что у меня есть! — громко хрюкнул Изюмка.

У Мышки даже глазёнки засветились.

— Ой, какой премиленький хомячок! — пропищала она.

— Его Фадейкой кличут,— милостиво сообщил Изюмка.

Кишмишка обрадовалась, позвала:

— Иди ко мне, золотой мой Фадеюшка!

Хомячок пошёл было к ней навстречу, смешно перебирая короткими ножками, но тут Изюмка как вскочит да как побежит ему наперерез.

— Не смей ни к кому ходить! Ты мой — понятно?

И, подхватив его на руки, так прижал к груди, словно кто-то хотел у него отнять хомячка.

Кишмишка обиделась:

— Чего ты так испугался? Съем я его, что ли?

— Не съешь,— смягчаясь, сказал Изюмка,— но и хватать нечего. Перемажешь ещё его золотистую шубку.

— Вот оно что? — возмутилась мышка.— И это говоришь мне ты, у которого вечно и копыта и нос в грязи?!

Тем временем Фадейка снова задремал. Изюмка принёс его к Гномычу и попросил:

— Присмотри за ним, пожалуйста. Носик ему вытри. А то у него носик загрязнился! — И сам — в дверь, чтобы с Кишмишкой в прятки играть.

Гномыч усмехнулся и говорит:

— Почему же ты Фадейку мне несёшь, когда ему носик нужно вытереть. Это же твой хомячок?

— И мой и твой, Гномыч,— отвечал Изюмка.— Мы же его вместе нашли? Разве ты забыл?

— Нет, не забыл,— возразил Гномыч, посмотрел на своего приятеля Грача, и они оба захохотали.

— Над чем это вы смеётесь? — спросила Кишмишка, заглядывая в окно.

— А над тем, милая, смеёмся, что когда Изюмке играть хочется, то Фадейка — его, а когда за хомячком уход требуется и забота, то сразу оказывается, что Фадейка — Гномычев.

— Хи-хи-хи! — ехидно захихикала мышка.

Изюмка разозлился, побежал прогонять Кишмишку домой. Но та уже и сама догадалась, что рассердила приятеля, и убежала. И только издали всё ещё доносился её ехидный смешок:

— Хи-хи-хи!

Первое время Изюмка, куда, бывало, ни идёт, туда и Фадейку за собой тащит: любил своим хомячком перед другими похвалиться.

— Смотри, Изюмка,— предостерегал его Гномыч,— приучишь к себе малыша, потом не отвяжешься.

— А если я так его люблю, что без него минуты прожить не могу? — кричал Изюмка и прижимал к груди маленький мохнатый комочек.

Но однажды ещё один приятель Изюмки, косолапый медвежонок Миня, говорит поросёнку:

— Поиграем в футбол, а? Только зря ты своего хомячка повсюду за собой таскаешь! Ну прямо покою нет от него никакого.

Начали они играть в футбол. В самом деле, Фадейка под ногами путается, мяч поймать хочет.

Почесал Изюмка за ухом: что же делать?

На другой день собрался Изюмка к Филе Зайчику. В гости. В «трёх поросят» играть. дождался, когда Фадейка после обеда уснёт, и сам осторожно на копытцах — к двери. Но Фадейка сразу же проснулся. И в слёзы:

— Хочу с тобой вместе! Фадей с Изюмкой гулять пойдёт.

Нечего делать — надо брать с собой хомячка. А Фадейка, не выспавшись, ноет, хнычет. Так и пришлось Изюмке весь день на руках его нянчить. Всё получилось, как Гномыч предсказал.

И вообще, с тех пор как Фадейка очутился в тыквенном домике, Изюмка иногда рад был ему, гордился, что он ростом больше хомячка. А то, наоборот, хотел стать таким же маленьким, как Фадейка. Или даже меньше его. Особенно когда нужно было что-нибудь делать по дому.

Один раз Изюмка учил хомячка, как правильно рыть землю. В это время Гномыч попросил поросёнка помочь ему начистить картошки.

— Ты Фадейке скажи, Гномыч! — посоветовал Изюмка.

— Скажу, конечно, и ему тоже. Он очень любит мне помогать. Да только от его помощи мало толку! Полчаса будет мусолить одну картофелину. Маленький он ещё, неловкий.

— Я тоже медленно чищу картошку, — сразу же возразил Изюмка. — Вот посмотри, как я её мусолю.

Гномыч рассердился. Раньше, бывало, Изюмке можно было всякую лёгкую работу поручать: сушняк, например, порубить на дрова. А теперь Изюмка Фадейке подражает: с охалкой хвороста целый день провозится.

— Я ещё маленький! Такой же, как Фадейка.

И сам сжался в комочек, даже голову спрятал. Впрямь — ничуть не больше своего хомячка.

На другой день прилетает к Гномычу в гости старый Грач. Под мышкой удочка. Рыбу ловить.

— Идём, дружище Гномыч, порыбачим у водопада. Говорят, там окунь здорово клюёт. Ну, а если и не поймает ничего, всё равно хоть прогуляемся. Есть там один красивый заливчик.

— К водопаду! К водопаду! Идёмте же поскорее! — завизжал радостно Изюмка. Он, правда, сам никогда у водопада не был,

но слышал от своего приятеля, медвежонка Мини, что там поблизости в лесу растёт и ежевика, и земляника. А у подмытых крутых берегов можно такие сладкие корешки найти, что и копытца оближешь.

— Я,— сказал Изюмка Гномычу,— твою удочку понесу, а ты — Фадейку.

— Нет, Изюмка,— отказался Гномыч.— Не понесу я Фадейку. Да и сам ты никуда не пойдёшь. Маленькие вы ещё оба в такие дальние путешествия пускаться.

— Так ведь я уже большой! Намного больше Фадейки. Вот посмотри! — И поросёнок вытянулся на своих задних ножках, насколько смог.

— Не дурачься, Изюмка,— пожурил его Гном Гномыч.— Ты ведь только что сказал мне, что ты такой же малыш, как и Фадейка. А это значит: нельзя мне тебя с собой брать. До водопада далеко. Вот вы двое маленьких и посидите пока дома. Подомовничаєте.

Изюмка захныкал, заплакал, начал проситься. Но на этот раз Гномыч твёрдо стоял на своём. Не уступил Изюмке.

МОРСКОЙ БОЙ

Каждый раз, когда Изюмка расплёскивал воду из ведра, Гномыч говорил:

— Будь повнимательнее. А сейчас иди за тряпкой и подотри пол.

А вот когда неуклюжий Фадейка опрокинул ведро с водой и комната превратилась в настоящее озеро, Гномыч только сказал:

— Маленький он ещё. Подрастёт, будет покрепче на ножках держаться.

Да и ложку хомячок часто ронял на пол. И всё равно Гномыч, ничего не говоря, поднимал её сам. Зато когда Изюмка что-нибудь, бывало, уронит, Гномыч и не подумает нагнуться да поднять.

Одним словом, хомячку Гномыч больше вольностей разрешал, чем ему, поросёнку. И всё потому только, что Фадейка ещё маленький.

Фадейка, например, боится грозы. А Изюмке любая гроза не страшна. Он заранее радуется: будет гроза — будет и ливень.

А после ливня за огородом большая-пребольшая лужа образуется.

Лужа и Фадейке тоже по душе. Он, правда, в лужу никогда не ложится, как поросёнок Изюмка. Ему и так хорошо: кораблики деревянные пускает, камешки разноцветные в воде моет.

Как-то в жаркий день, после сильной грозы, Гномыч отправился навестить старого дядюшку Грача. Изюмка же, валяясь в тёплой луже за огородом, потешался над Фадейкой, как тот свои кораблики из щепочек и древесной коры по луже-озеру плавать пускает. Смотрел, смотрел на его забавы, и вдруг ему в голову пришла одна замечательная мысль.

— Знаешь что, Фадейчик? А ведь эти твои судёнышки ровным счётом ничего не стоят.

— Почему это? — удивился Фадейка.

— А потому что потому. Нельзя с ними в морской бой играть.

— А что такое морской бой?

— Это когда один корабль против другого воюет, — произнёс Изюмка с таким важным видом, будто он сам уже видывал множество морских боёв. Между тем он про них только слышал от медвежонка Мини. У того дядя служил в цирке и приносил Мине всякие разные книжки про путешествия и морские сражения.

Изюмка подождал, пока маленький Фадейка привыкнет к незнакомым словам, а потом снова заговорил. И так ему сказал:

— Надо будет настоящие корабли из тыквы вырезать.

— Из тыквы? — У Фадейки даже глаза округлились, хотя он

теперь уже знал, что дом, например, можно сделать из тыквы.— Но ведь тыква большая! — всё же усомнился хомячок.

— Ох и чудак ты! — захохотал Изюмка.— Тыквы разные бывают. Есть тыквы очень большие, как, скажем, наш дом. А есть маленькие, которые ещё не выросли.

Фадейка промолчал, а Изюмка понял, что ему придётся ещё многому обучать хомячка.

— Вот ты сейчас маленький? А через какое-то время и ты вырастешь. Будешь большим.

— Ой! — обрадовался Фадейка.— Я тоже буду такой большой, как эта тыква?

— Ну, такой нет,— покачал головой Изюмка.— Ты будешь такой, как все большие хомяки. А маленькие тыковки — те сделаются большими тыквинами. А пока вот что: там у плетня лежит множество отличных маленьких тыковок и кабачков. Тащи сюда штуки две-три. Мы из них и наделаем кораблей.

Фадейке только того и надо было. Очень даже быстро он добрался до огорода, где Гномыч ещё по весне посадил семена тыквы и кабачков.

Под густым шатром широченных листьев он отыскал первый кабачок величиной с хороший огурец. Ох и пришлось же Фадейке попотеть, пока он притащил кабачок во двор. Ведь он и сам был не больше этого кабачка.

— Молодец! — похвалил его Изюмка.— Тащи сюда следующий.

«Хорошо, когда есть такой мальчишка у тебя под рукой,— подумал Изюмка.— Всегда его можно за чем-нибудь послать».

Изюмка давно уже хотел поиграть в морской бой. С той самой поры, как увидел в Мининой книжке красивые картинки кораблей. Только ему лень было тащить в дом кабачки. А теперь на это был Фадейка!

Тем временем вернулся хомячок — сказать, что больше в огороде нет ни одного кабачка, ни одной тыковки.

— Ладно, хватит с нас и этих, — снисходительно сказал Изюмка и принялся разрезать на две половинки кабачки и тыквы. Выдалбливать тыквы изнутри он опять же поручил Фадейке. Заниматься самому таким нудным делом у него не хватало терпения. Потом он поручил Фадейке нарвать листьев лопуха и прутьев, чтобы из них сделать паруса и мачты. Фадей старался изо всех сил. Изюмке оставалось только командовать:

— Не проскобли тыкву насквозь!

— Ищи прутья, какие попрямее!

— Смотри не продырявь лопухи!

И всё время в таком духе.

— Да, и ещё: если Гномыч спросит, кому пришло в голову строить корабли, скажи, что тебе! Понял? — предупредил Фадея Изюмка.

— Нет,— покачал круглой головкой хомячок.

— Гномыч любит задавать всякие вопросы. А ты ему спокойно можешь отвечать: «Я, мол, и всё тут». В конце концов, кто таскал тыквы? Ты! Верно я говорю?

— Верно,— согласился Фадейка.

Тут Изюмка решил: нечего время зря терять. И морской бой начался.

Разумеется, в атаку пошли Изюмкины корабли. Длинными палками Изюмка и Фадей толкали свои боевые суда вперёд — от одного берега лужи к другому. Кому из них удавалось потопить корабль противника, тот принимался радостно кричать. Словом, замечательная получилась игра. Раза два Фадей угодил сам в лужу. Но быстро высох.

Когда домой вернулся Гномыч, на плаву остался один-единственный корабль и тот со сломанной мачтой и порванными в лохмотья парусами.

— И кому это пришла в голову такая мысль: погубить попусту столько маленьких тыквочек и кабачков? — рассердился Гномыч.

Фадей посмотрел на Изюмку, а тот начал ему подмигивать, чтобы напомнить об их уговоре. И это ему удалось.

— Мне,— простодушно сказал Фадей.

Но Гномыч очень удивился и, конечно, не поверил:

— Тебе? Как же она тебе могла прийти?

— Никак не могла,— уставившись глазками-бусинками на Гномыча, отвечал хомячок.— Мне её Изюмка сказал.

Изюмка готов был сквозь землю провалиться.

— Я... я...— забормотал он.— Это... как его... Я сказал...

Зато Фадейка хорошо помнил, что сказал поросёнок, и решил помочь ему:

— Ты сказал: «Если Гномыч спросит, чья была мысль, скажи, мол, твоя».

— Ага! — многозначительно произнёс Гномыч, бросил на Изюмку строгий взгляд и, круто повернувшись, ушёл в дом.

Тем временем поросёнок принялся усердно работать: убирал обломки боевых судов, вымел двор. Да так, что ни прутика, ни

семечка тыквенного не найти. Ничто больше и не напоминало о недавнем морском сражении.

Но Гномыч всё и так хорошо помнил. И когда Фадейка заснул в прохладном доме, Гномыч отчитал Изюмку:

— Тем, что ты кабачки погубил, ты сам себя наказал. Теперь не скоро доведётся тебе их есть. Ни со сметаной, ни без неё. А вот за то, что ты вину с больной головы на здоровую свалить задумал, за это я на тебя сильно обижен.

— Я сам на себя обижен,— признал вину Изюмка.

И Гномыч не стал даже журить озорника. Он понял, что Изюмка впредь никогда не будет прятаться за Фадейкину спину.

ГДЕ ЭТОТ ФАДЕЙ?

Рос Фадейка, подрастал. И с каждым днём становился всё разговорчивее. Вначале это забавляло Изюмку. Вместе с Кишмишкой они обучали маленького хомячка всяким стишкам и песенкам. А когда Фадейка потом их пел или декламировал, они чуть не умирали от восторга. Но Фадейка мог петь или читать стихи и невпопад. Например, приляжет Изюмка отдохнуть в тени под кустиком, а хомячок уж тут как тут. Наклонится над самым Изюмкиным ухом и запоёт:

Кто в ногу не шагает
И песен не поёт,
На ужин не получит
Яблочный компот.

— Фадей! — прихрюкнет, бывало, на него Изюмка.— Будь хорошим хомячком, не приставай.

— Ладно,— тихо соглашается хомячок. А минуты через три снова за своё принимается:

...Кто в ногу не шагает...

— Кому я сказал? Будь...— начинает Изюмка.

А Фадей в ответ:

— Я и есть хороший хомячок!

— Был. На три минуты. Но я-то хочу по меньшей мере часок поспать. Ступай отсюда!

Иногда ему удавалось спровадить Фадея. А иногда и нет. Так что вместо сна Изюмке теперь чаще приходилось по-другому отдыхать: рыть пяточком землю на лугу. Изюмка надеялся, что однажды он выроет какой-то клад. Например, полный кувшин

монет. На те монеты он купил бы: для Гномыча машину — стричь газоны, для дядюшки Грача — спортивный самолёт с гнездом на прицепе, а для Фадея... Что же такое он купил бы для Фадея? Этого Изюмка ещё не успел решить. Но в этот момент хомячок появился самолично и спросил:

— Изюмка, что ты там всё время роешь?

— Так, ничего.

Хомячок не обиделся, а продолжал допытываться:

— А почему ты такой толстый?

— И никакой вовсе я не толстый! — заспорил Изюмка, а сам вытянулся в длину, насколько только мог.

— А почему ты, Изюмка, не можешь летать? Ну, как дядюшка Грач, например.

— Откуда я знаю? — зло хрюкнул поросёнок.

— Может, ты очень тяжёлый?

— Да не тяжёлый я, пойми ты,— возмутился Изюмка.— Просто у меня нет крыльев для полёта.

— А почему у тебя их нет?

— Потому что я — поросёнок,— сказал Изюмка и зевнул.

— Изюмка, ты хочешь спать? — любопытствовал хомячок Фадей.

— Как тебе сказать...

— Так и скажи.

Тут Изюмке показалось, что, если Фадейка ещё что-нибудь спросит, он сбежит от него. Далеко-далеко...

Однажды Изюмка решил поговорить об этом с Гномычем:

— Гномыч, а Гномыч, давай кому-нибудь отдадим или подарим нашего Фадея.

— Ну и ну! — удивился Гномыч.— С чего это ты вдруг?

— Надоел он мне.

— Что ты говоришь? А кто же ещё недавно приставал ко мне, просил взять хомячка домой?

— Я тогда и не знал, сколько мне придётся с ним натерпеться,— признался поросёнок.

— Сколько? — допытывался Гномыч.— Что он такое сделал?

— Да так. В земле и то порыться не даёт. И вообще.

— И поэтому мы должны отдать его кому-нибудь? Ладно, пришли сюда Фадея.

— Иди, тебя Гномыч зовёт,— сказал Изюмка хомячку, а сам как ни в чём не бывало снова принялся рыть пяточком землю.

Вырыл ямку, улёгся в неё и заснул. Благо Фадей над ухом не бубнит. Проснулся в отличном настроении. Поиграть ему захотелось. В какую игру — он ещё сам не знал. Но в любом случае для игры нужен Фадейка.

— Фаде-е-й! — принялся звать Изюмка.— Ты где-е-е?

Хорошо всё-таки, когда есть с кем поиграть. Не надо к соседям плестись, просить: давайте поиграем немножко. Приятель всегда здесь, под рукой. Только где же это он?

«Наверное, я недостаточно громко хрюкал?» — подумал Изюмка и закричал так, что ему начало вторить эхо.

Но Фадей всё равно не отзывался.

— Может, уснул? А скорее всего, лодырничает.

Поднялся Изюмка, в дом сходил. Но Фадейка как сквозь землю провалился. А с ним заодно и Гномыч.

Впрочем, Гномыч отыскался быстро: он сидел в саду за столом и читал свою газету «Весточки с полей».

— Не видал Фадейку? — спросил, подбежав к нему, Изюмка.

— Нет. А что ты его вдруг ищешь? Он же и так тебе всё время мешает — землю рыть... и вообще.

— Да, но... Мне хочется, чтобы он снова здесь был.

— Ты же просил его кому-нибудь подарить.

— И ты подарил его? — чуть не плача воскликнул Изюмка.

Подарили, отдали в чужие руки его дорогого Фадейку! Отдали, пока он, Изюмка, спал! Изюмка уткнулся головой в колени Гномычу и горестно зарыдал.

— Но, Изюмушка, — уговаривал его Гномыч, — ведь ты же сам просил отдать его кому-нибудь?

— Это я в сердцах! — закричал Изюмка. — А на самом деле я не хотел. Он такой хороший, такой милый. Я так его люблю.

— Ну хорошо, — сказал Гномыч и ласково потрепал поросёнка по макушке. — Тогда всё в порядке. Кстати, Фадейка скоро вернётся. Пока ты спал, они с Кишмишкой пошли немного погулять.

Только Гномыч так сказал, как уже застучали по двору, затопали коротенькие лапки. Это хомячок Фадейка и мышка Кишмишка возвращались с прогулки.

— Фадейшка, миленький,— бросился обнимать его Изюмка, уж не заботясь о том, что Кишмишка может заметить у него слёзы на глазах.— Наконец-то. Спасибо тебе, Кишмишка, что целым и невредимым доставила Фадейку назад.

Изюмка взял Фадейку за лапку и повёл его к Гномычу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дом, который можно съесть 3

Не хочу купаться 9

Куку-куколка 12

Волки 17

Репейник 22

Гномычевы крылышки 29

Возьмём его домой 36

Чей Фадей? 44

Морской бой 50

Где этот Фадей? 57

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Агнеш Балинт

Гном Гномыч и Изюмка

С к а з к и

Ответственный редактор

Н. А. ТЕРЕХОВА

Художественный редактор

Н. З. ЛЕВИНСКАЯ

Технический редактор

Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректор

Э. Я. СЕРБИНА

ИБ № 10300

Сдано в набор 15.05.87. Подписано к печати 03.12.87. Формат 84×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт журн.-русл. Печать офсетн. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 23,8. Уч.-изд. л. 3,69. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6241. Цена 25 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суше-ский вал, 49.

Bálint Agnes

«MAZSOLA», «MAZSOLA ES TÁDE»

Móra Ferenc kiadó, Budapest, 1970

СТРАНИЦА-ССЫЛКА

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB/